

УДК 168:17:001.3

М. В. Савостьянова
Европейський університет, г. Київ

КРИЗИС НАУКИ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

В статье рассмотрена связь аксиологической функции науки со смыслами и ценностями культуры. Кризис науки понимается не как методологический или гносеологический, а именно как кризис смысла и ценностей. Проанализирован двойственный характер влияния научного прогресса на духовные ценности культуры.

Ключевые слова: наука, культура, ценности, духовность, аксиологический кризис, аксиологическое самосознание.

Сегодня с полной уверенностью можно утверждать, что наука является не только составной частью культуры, но и смысловым центром современной цивилизации. *Актуальность* темы исследования мы видим, прежде всего, в необходимости прояснения двойственной аксиологической сущности научного прогресса, который развивается настолько стремительно, что фактически меняет не только природную среду обитания человека, но и социальную реальность, а также самого человека как психобиологическое существо, обладающее индивидуальными духовными, моральными и ценностными характеристиками.

Одной из реалий современного мира является тот факт, что наука настолько существенно воздействует на самосознание культуры, что одной из ее функций становится утверждение новых ценностей, целей, смыслов. Сегодня слово науки имеет такой авторитет в культуре, что оно не может быть произнесено никем иным.

Учеными все чаще ставятся вопросы, связанные с перспективами и рисками развития современной науки. Проблеме рисков, связанных со стремительным развитием науки, в последнее время посвящено значительное количество работ. Среди них особо отметим труды Дж. Гелбрейта, В. Канке, С. Кара-Мурзы, В. Кизимы, Н. Киселева, Н. Кочубей, В. Лукьянца, Ф. Франка, Ю. Хабермаса, В. Цикина, Б. Юдина, которые стали методологической и теоретической основой наших дальнейших рассуждений.

Что реально несет сегодня наука человеку и человечеству? Как она влияет на культуру? Как изменились ее ценности? И в связи с чем? С потребностями культуры, масс, отдельных социальных групп? Когда мы сталкиваемся с подобными вопросами, возникает необходимость выявления движущих сил современной цивилизации (культуры, науки), а также необходимость поиска оптимизации развития науки и путей преодоления нежелательных последствий научно-технического прогресса. Однако при решении этой задачи зачастую наблюдается либо недостаток системного видения, либо отсутствие основания (или метода) анализа. В результате в имеющихся на сегодня вариантах ответов доминируют либо личные взгляды

отдельных авторов, либо незаметные на первый взгляд научные спекуляции. Поэтому *целью* статьи будет прояснение причин двойственности аксиологической оценки современного развития науки. Для этого нам понадобится выявить те основания, по которым, с одной стороны, можно констатировать стремительный прогресс науки, а с другой стороны, ее полную аксиологическую, а значит, и смысловую дезориентацию, которая, на наш взгляд, неразрывно связана с моральной, духовной и ценностной дезориентацией современной культуры.

Методологически целесообразным для анализа кризиса современной науки представляется использование именно аксиологического подхода. В данном случае применение аксиологического подхода – это один из способов выявления направления, в котором движется не только наука, но и культура, с помощью анализа их доминирующих ценностей. Такая гносеологическая процедура, на наш взгляд, выглядит полностью корректной, поскольку ценности самым непосредственным образом связаны со смыслами культуры, определяющими как потребности ее субъектов, так и направления развития.

Возможности современной науки очень впечатляют. В. Цикин обращает внимание на то, что «взрывное развитие индустрии наукоемких технологий способно кардинально изменять практику преобразования не только фенотипа человека, но и его генотипа» [9, 30]. Однако, как отмечает Е. Гнатик, супертехнологии, которые появились в биологии, делают возможным тот тип управления физической и психической природой человека, который до сих пор использовался только в отношении животных. Например, в результате разработки новых направлений генной инженерии (наработки которой, как и само понятие, до сих пор могли касаться только растений или животных, но не человека) фактически открывается путь к манипуляциям, связанных с корректировкой физических и психических особенностей человека еще до его рождения [2, 56]. Но стремление человека управлять наблюдается не только в отношении других людей, а и в отношении общественных и природных процессов. Современная фундаментальная наука создает грандиозные мегапроекты – Генотех, Биотех, Нанотех, Наномед, Инфотех, Искусственный суперинтеллект и др. [4, 74].

В то же время следует помнить, что наука выступает не только средством поиска истины, но и мощным средством реализации потребностей человека и общества. Однако существует неразрывная связь потребностей с ценностями, картиной мира и понятием истины. С одной стороны, высшие этические нормы, принятые в науке, заставляют ученого не погрешить против морали, гуманизма и общечеловеческих ценностей, а с другой – все вышеперечисленные понятия слишком размыты в современной культуре и трактуются по-разному, в духе плюрализма мнений, плюрализма ценностей и морально-нравственного плюрализма. Ситуация складывается таким образом, что сам плюрализм и свобода мнений стали в современной культуре не просто ценностью, а самостоятельной, определяющей и приоритетной ценностью.

Р. Гвардини, указывая на опасность стремления различных форм культуры развиваться исключительно по своим имманентным законам, писал о воцарении хаоса в разъединенном, лишенном целостности мире: «Наука больше не должна заботиться о ценностях, ее дело – исследовать, независимо от того, что из этого выйдет; искусство существует только для самого себя, и его действие на человека его не касается; сооружения техники – это произведения сверхчеловека и имеют самостоятельное право на существование; политика осуществляет власть государства, и ей нет дела ни до достоинства, ни до счастья человека. И так – во всем» [1, 123].

Противостояние гуманизма и науки нередко выражается как разрыв между культурой и цивилизацией, когда определенная часть культуры – техника, естествознание, экономика, все, что дает так называемое «технологичное» знание – переживает стремительный взлет и начинает как бы самостоятельную жизнь, вне контроля со стороны человека и в отрыве от гуманитарных целей и ценностей.

Развитие современной цивилизации порождает несоответствие между открываемыми ею возможностями и способностью человека справляться с ними. В этой диспропорции Х. Ортега-и-Гассет видит основную трагедию нашей эпохи: «В отличие от предшествующих цивилизаций, погибающих прежде всего от несовершенства принципов организации, неразвитости техники и т. д., европейская цивилизация шатается по обратной причине, ...в наши дни сам человек не выдерживает. Он не в состоянии идти в ногу со своей собственной цивилизацией» [7, 151]. Чем более возрастает цивилизационная сила науки, тем глубже становится разрыв между наукой и миром человеческих ценностей. Такое состояние науки и культуры Х. Ортега-и-Гассет рассматривал как парадокс цивилизации мира с одновременной варваризацией его обитателей.

Аксиологический кризис науки усугубляется стремительным развитием и углублением специализации ученых, когда специалисты в одной области не могут компетентно оценить гносеологической и социальной ценности, а также перспектив и рисков тех разработок, которые получены в других областях знания. По этой причине ученые иногда оказываются неспособными идти в ногу с общим уровнем современного цивилизационного развития. Будучи узкими специалистами в своей области, они не могут уже считаться вполне образованными людьми. Это парадоксально, но узкий специалист теперь не может быть отнесен ни к образованной части человечества, ни к необразованной. Он «ученый невежда», а это значит, что во всех вопросах, ему неизвестных, он поведет себя не как человек, незнакомый с делом, но с авторитетом и амбициями, присущими знатоку и специалисту.

«В политике, в искусстве, в социальной жизни, в остальных науках, – говорит Х. Ортега-и-Гассет, – он держится примитивных взглядов полного невежды, но излагает и отстаивает их с авторитетом и самоуверенностью, не принимая возражений компетентных специалистов» [7, 121]. Поэтому в аксиологическом смысле, при оценке тех или иных событий, ученые

представляют собой даже большую опасность для общества, чем все остальные, поскольку они невольно используют социальный авторитет науки как дополнительный аргумент авторитетности своих утверждений.

При бурном технологическом и методологическом развитии науки, которые можно назвать стремительным прогрессом, наука, тем не менее, пребывает в глубоком аксиологическом кризисе, кризисе смысла, настолько глубоко, что вопрос об ответственности ученого за результаты своих исследований, который был так популярен несколько последних десятилетий, почти закрывается. При этом он не теряет своей актуальности, но он теряет шансы на прояснение, поскольку, в силу узкой специализации ученых, теперь уже не ясно и им самим, к каким последствиям могут привести использование тех или иных результатов их исследований. Становится все менее и менее ясным – в чем благо, а в чем зло использования современных научных супертехнологий для человека. В этом вопросе все сложнее разобраться даже специалистам по системной безопасности государства, не говоря уже об ученых-разработчиках, которые, как узкие специалисты, вряд ли имеют четкое представления, как и в каких целях могут быть применены результаты их разработок.

Ценности науки и культуры оказываются тесно связанными между собой, хотя достаточно долгое время считалось, что наука свободна от каких бы то ни было влияний культуры, религии, предрассудков, а главной ее ценностью является истина. Истина же, как предполагалось, обретается путем научного поиска, независимого от реалий и ценностей культуры. Нельзя сказать, что сегодня эта иллюзия развенчана окончательно. Тем не менее, наука, несмотря на собственный тип рациональности, строго выверенную методологию исследований и использование собственного языка, существует в определенном поле – поле культуры, где взаимодействуют люди, страны, нации, потребности, идеи, интересы и ценности. Поэтому актуальной становится задача выяснения оснований фундаментального единства культуры и науки. Представляется, что поиск этих оснований целесообразно вести в области взаимодействия ценностей науки и ценностей культуры, взаимовлияния научной и культурной парадигм.

Вызывает интерес также следующий вопрос: в каком отношении ценности находятся с картиной мира, какие изменения в картине мира и новые ценности в науке и культуре появляются в связи с бурным развитием науки? Такой интерес не является случайным, поскольку ценности конституируют всю архитектуру человеческого бытия. Их недостаточно просто перечислить и выстроить в определенном порядке (например, как это сделал А. Маслоу [5]). Необходимо также учитывать, что ценности всегда лежат либо в контексте парадигмы, либо в контексте картины мира. Парадигма же далеко не во всех случаях предполагает целостное и непротиворечивое описание мира, поскольку парадигма – только часть узкодисциплинарной онтологии. Ей достаточно фрагментов. Однако из дисциплинарных онтологий, а тем более их фрагментов, ценности не выводимы.

Когда речь заходит о парадигмальных изменениях в науке, то их связывают в первую очередь с накоплением новых фактов, появлением новой методологии, нового стиля мышления, что делает возможным создание новой теории. Когда рассматривается вопрос об изменениях картины мира, то это обстоятельство чаще всего связывают с новыми достижениями науки. А когда анализируется смена культурной парадигмы, то причины приписываются экономическому и политическому развитию общества, развитию идей и т. п. Эта схема, конечно, довольно условна, но, тем не менее, она отражает определенную закономерность – замыкание представлений о мире на авторитет науки, изменение картины мира в связи с научными исследованиями. В свою очередь, изменение картины мира (а сегодня благодаря достижениям науки – и самого мира), на наш взгляд, является причиной смены культурной парадигмы, что означает фактически изменение вектора социокультурного развития.

Однако проблема смены научных парадигм почти не анализировалась с холистических позиций, где мир представляет единое целое, включающее в себя такие человекомерные системы, как наука, культура, религия, социум. Причина этого видится, прежде всего, в концептуальной сложности выяснения закономерностей связи развития науки, культуры, картин мира, человеческих ценностей, потребностей, устремлений и жизненных смыслов. Поэтому чаще всего этот вопрос рассматривался в историко-философском ключе, но не в концептуальном, прежде всего потому, что для его концептуального рассмотрения оказывается явно недостаточно интерпретации логики развития науки и культуры по одним только историко-культурным фактам. Представляется, что для такой интерпретации, наряду с фактами, становятся необходимыми концептуальные, онтологические, мировоззренческие, антропологические и аксиологические основания и, конечно, соответствующая методология рассмотрения вопроса. Методологически необходимым оказывается, например, интервальный подход, позволяющий об одном и том же явлении получить совершенно разные описания, на первый взгляд противоречащие друг другу, но в реальности – существенно дополняющие друг друга и раскрывающие многомерность как познаваемого объекта, так и познающего субъекта.

Какова логика развития культуры? Какова логика развития науки? Если при попытке ответить на первый вопрос мы рискуем оказаться обвиненными в телеологизме и историософизме, провиденциализме и гипотетичности любых построений, которые зависят от выбранного основания исследования и научной установки исследователя, то ответ на второй вопрос лежит в контексте бытия культуры. Научное творчество, стремление к познанию, реализации собственного потенциала естественно заложено в человеческой природе, т. е. антропологично. Оно является условием научной деятельности и самой науки. Однако наука имеет не только познавательные цели, но и вполне конкретное применение. Собственно, само познание осуществляется тоже не только ради познания. Его результаты неизбежно находят применение – если не в практике, то в мировоззренческих аспектах и идеологии, в том числе научной. Поэтому

немаловажен вопрос о реальном функциональном диапазоне науки, а также о том, каковы возможности и последствия его произвольного расширения. И каковы последствия некорректного отношения к научным фактам (например, их искажение в интересах определенных социальных групп).

Проблема культурной ценности науки является сегодня частью задачи выбора новой парадигмы современной культуры. Однако когда говорят о культуре, обычно имеют в виду не духовные ценности или правовую культуру, составляющие ее фундамент, а прежде всего тип жизнедеятельности и мировосприятия, основанный на научном познании и продуцируемом им техническом прогрессе.

Начало нового тысячелетия сопровождается крушением многих мифов столетия предыдущего и в то же время возникновением новых, приходящих им на смену. Среди уходящих мифов – уступающий по своей значимости и влиянию на ход истории только, пожалуй, социальным утопиям, хотя и тесно с ними связанный, – миф о спасительной миссии науки. Однако для успешного выполнения подобной миссии сама наука должна преодолеть очень существенные трудности.

Современный кризис смысла как науки, так и культуры значительно отличается от кризиса начала века как по своему масштабу, так и по своему характеру. В орбиту кризиса конца века оказались втянутыми все сферы человеческой жизнедеятельности – от производства материальных благ до творения культурных ценностей. Даже если усматривать основную проблему в обострении экологической ситуации, то ее анализ непременно выведет нас ко всем другим сферам деятельности, познания и культуры: очевидна причастность к этому техники, через нее и науки, за которой, в свою очередь, стоит политика, экономика и, конечно, мораль, искусство, религия.

Суть переживаемого в XX веке кризиса культуры Х. Ортега-и-Гассет определил как феномен «жизненной дезориентации», когда человек не знает, чем жить, а привычные и казавшиеся незыблемыми жизненные ориентиры теряют свою очевидность и убедительность. Это период смены традиционной системы ценностей. Но что предлагается взамен? В такие времена все человеческие ценности, от бытовых до бытийных, или метафизических, обнаруживают свое подлинное значение. В переломные эпохи каждый наш выбор касается не только настоящего момента, но определяет направление будущего развития как науки, так и культуры.

В свое время В. Зеньковский писал: «Весь мир проходит ныне через период глубокой варваризации, несмотря на все блестящие завоевания науки и техники, на бесспорные сдвиги в устройении социальных условий жизни» [3, 309]. Современная наука является не только продуктом этой «варварской» цивилизации, но и ее источником и движущей силой. Поэтому вполне обоснованно сегодня можно говорить, что вопрос о судьбе науки и судьбе цивилизации – это во многом один и тот же вопрос.

Разочарование в культуре более всего осознается как разочарование в науке, и не только в ее способности или неспособности решать определенные

стоящие перед человеком задачи, но и в науке как особом способе отношения человека к миру, т. е. к научной рациональности. Как и всякое разочарование, оно явилось реакцией на чрезмерное упование на неограниченные творческие возможности человека в преобразовании природы, социума и самого себя, опираясь исключительно на силу человеческого разума. Этим мы расплачиваемся за ту, говоря словами К. Ясперса, «высокомерную уверенность в том, что человек в качестве господина мира может по своей воле сделать его устройство поистине наилучшим» [10, 289].

В отрыве науки от жизненных интересов человека П. Флоренский видел оборотную сторону ее сциентистских посягательств на доминирование в сфере человеческих ценностей, подчинение наукой себе всех иных духовных запросов человека. «Научное мировоззрение, – пишет он, – и качественно и количественно утратило тот основной масштаб, которым определяются все наши масштабы: самого человека» [8, 348]. Между тем духовные ценности – антропологический центр структурирования как личности и общества, так и культуры в целом. Однако приоритет материальных ценностей над духовными, естествознания над гуманитаристикой, гносеологии над аксиологией говорит о смещении акцентов в культуре, а следовательно, смещении центра структурирования культуры и внутреннего мира человека.

Наука выступает как ценность, когда она рассматривается с точки зрения определенных идеалов, помещается в культурный контекст. Главную ценность науки, по-видимому, следует понимать как соответствие ее бытия ее идее, смыслу и назначению – поиску истины, которая неразрывно связана с понятиями добра и красоты. Однако здесь важно отметить необходимость включенности науки и авторитета особого статуса, научной рациональности в контекст понимания человека как творца и преобразователя мира, свойственного гуманизму. Однако, как ни парадоксально, по мере роста преобразовательных возможностей науки, она далеко не всегда приближается к этой триаде – «истина–добро–красота». Тем не менее, авторитет науки в культуре постоянно возрастает, а о кризисе смысла науки знают, пожалуй, только специалисты.

М. Мерло-Понти так говорил о суеверном отношении к науке: «Наука, затуманивающая очевидности общего смысла и вместе с тем способная изменить мир, неизбежно порождает нечто вроде суеверия даже у наиболее образованных людей» [6, 183]. Однако следует помнить, что если исчезают или подменяются духовные ценности в культуре, то человечество обречено. Оно становится интенционально нацеленным на самоуничтожение, хотя это может не быть очевидным на первый взгляд. Такая интенция связана с тем, что созидая, изменяя, «улучшая» мир вокруг себя, человек в то же время идет по пути саморазрушения. Занимаясь внешней реальностью (в том числе познавая, изучая, преобразуя ее), человек оставляет без внимания реальность внутреннюю.

В *выводах* отметим следующее. Когда мы говорим о кризисе науки, то имеем в виду, что это в первую очередь аксиологический кризис, кризис

смысла науки и культуры, кризис ценностей, целей, морали, целостности мировосприятия и мироощущения. Одной из его причин является отсутствие в науке целостной картины мира, которая с онтологической неизбежностью предполагала бы цели, ценности и смыслы человеческого бытия, бытия науки и культуры. В связи с этим аксиологическая функция философии, в том числе - философии науки, на сегодняшний день представляется даже более актуальной, чем ее гносеологическая функция. Потенциал первой еще не только не реализован, но и полностью не осознан, в то время как другой достаточно отрефлексирован в истории мировой философской мысли.

Одним из парадоксов современного кризиса науки является растущая диспропорция между ростом практической (технической) и политической мощи науки, глубиной ее проникновения в тайны мироздания и падением ее значения для мировосприятия человека, для выстраивания им собственного образа мира и развития ценностной саморефлексии. Современная наука фактически не способствует преодолению кризиса идентичности, переживаемого современным человечеством, самые сенсационные научные открытия перестали решающим образом влиять на изменение господствующего мировоззрения и общественного сознания.

Дальнейшие исследования заявленной темы мы связываем с рассмотрением следующей проблемы. Представляется, что в рамках наукоцентрического мировоззрения, в техногенной по своей сути культуре с соответствующей ей системой ценностей, в обществе, лишенном духовных приоритетов над материальными, глобальные проблемы человечества непреодолимы. Это обстоятельство приводит к необходимости поиска нового целостного мировоззрения, выходу на качественно новый уровень ценностной саморефлексии как науки, так и культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гайденко П. П. Философия культуры Романо Гвардини / П. П. Гайденко // Вопросы философии. – 1990. – № 4. – С. 110–127.
2. Гнатик Е. Н. Проблема самотрансформации человека в контексте генетической инженерии / Е. Н. Гнатик // Философские проблемы биологии и медицины. Вып. 1 : В поисках новой парадигмы : сб. – М. : Принтберри, 2007. – С. 56–61.
3. Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа / В. В. Зеньковский. – М. : Республика, 1997. – 368 с.
4. Лук'янець В. С. Природознавство і гуманітарія. Пошуки взаємопорозуміння / В. С. Лук'янець, О. М. Кравченко, О. Я. Мороз. – К. : ПАРАПАН, 2009. – 317 с.
5. Маслоу А. Г. Психология бытия / А. Г. Маслоу: М. –К. : Рефл-бук ; Ваклер, 1997. – 304 с. – (Актуальная психология).
6. Мерло-Понти М. В защиту философии / М. Мерло-Понти ; пер. с фр. – М. : Изд-во Гуманитарной литературы, 1996. – 248 с.

7. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет // Вопросы философии. – 1989 . – № 4. – С. 115–151.

8. Флоренский П. А. У водоразделов мысли / свящ. П. А. Флоренский // Сочинения в 4 т. – М. : Мысль, 1999. – Т. 3. – Ч. 2. – 623 с. – (Философское наследие).

9. Цикин В. А. Философское осмысление хай-тек и необходимость превентивного образования / В. А. Цикин // Філософія науки: традиції та інновації. – 2011. – № 1(3). – С. 27–37.

10. Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Яс перс. – М. : Политиздат, 1991. – 528 с.

РЕЗЮМЕ

М. В. Савостьянова. Криза науки: аксіологічний контекст.

У статті розглянуто зв'язок аксіологічної функції науки зі смислами і цінностями культури. Криза науки розуміється не як методологічна чи гносеологічна, а саме як криза смислу і цінностей. Проаналізовано подвійний характер впливу наукового прогресу на духовні цінності культури.

Ключові слова: наука, культура, цінності, духовність, аксіологічна криза, аксіологічна самосвідомість.

SUMMARY

M. V. Savostyanova. The Crisis of Science: Axiological Context.

In the article interconnection of axiological functions between the science and senses and values of culture are considered. The crisis of science is not understood as a methodological or epistemological, namely a crisis of senses and values. Dual nature of the influence of scientific progress on the spiritual values of culture are analysed.

Key words: science, culture, values, spirituality, axiological crisis, axiological self-consciousness.